

Читайте романы
примадонны иронического
детектива

Дарьи ДОНЦОВОЙ

Сериал «Любительница частного сыска Даша Васильева»:

Крутые наследники	Стилист для снежного человека
За всеми зайцами	Компот из запретного плода
Дама с коготками	Небо в рублях
Дантисты тоже плячут	Досье на Крошку Че
Эта горькая сладкая месть	Ромео с большой дороги
Жена моего мужа	Лягушка Баскервилей
Несекретные материалы	Личное дело Женщины — конки
Контрольный поцелуй	Метро до Африки
Бассейн с крокодилами	Фейсконтроль на главную роль
Спят усталые игрушки	Третий глаз — в туман
Вывос дела	Легенда о трех мартышках
Хобби гадкого утенка	Темное прошлое Кошечка — Горбушка
Домик тетушки лжи	Клетчатая зебра
Привидение в кроссовках	Белый конь на принце
Улыбка 45-го калибра	Любовница египетской мумии
Бенефис мартовской кошки	Лебединое озеро Ихтиандра
Полет над гнездом Индианки	Тормоза для блудного мужа
Уха из золотой рыбки	Мыльная сказка Шахерезады
Жаба с кошельком	Гений страшной красоты
Гарния с промеллером	Шесть соток для Робинзона
Доллары царя Гороха	Пальцы китайским всером
Камин для Снегурочки	Медовое путешествие вдвоем
Экстрим на сером волке	Приват — танец мисс Марил

Сериал «Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант»:

Маникюр для покойника	Фигура легкого эпатажа
Покер с акулой	Бутик ежовых рукавиц
Сволочь ненаглядная	Золушка в шококаде
Гадюка в сиропе	Пожный супруг олигарха
Обед у людосда	Фанера Миловская
Созвездие жадных псов	Фэл — шуй без тормозов
Канкан на поминках	Шопинг в воздушном замке
Прогноз гадостей на завтра	Брачный контракт кентавра
Хождение под мухой	Император деревни Гадюкино
Фигурный листочек от кутюр	Бабочка в гипсе
Камасутра для Микки — Мауса	Ночная жизнь моей свекрови
Квазимодо на шпильках	Королева без бапти
Но — ниш на троих	В поезде с Кинг — Конгом
Синий монс счастья	Черный список деда Маая
Принцесса на Кириешках	Костюм Адама для Евы
Лампа размыскивает Алладина	Добрый доктор Айбандит
Любовь — морковь и третий лишний	Огнетушитель Прометея
Безумная кепка Мономаха	Белочка во сне и наяву

Сериал «Виола Тараканова. В мире преступных страстей»:

Черт из табакерки	Хеппи-энд для Дедемоты
Три мешка хитростей	Стрилиз Жар—птицы
Чудовище без красавицы	Музу с аквалангом
Урожай ядовитых ягод	Горячая любовь снеговика
Чудеса в кастрюльке	Человек—невидимка в стразах
Скелет из пробирки	Легучий самозванец
Микстура от косоглазия	Фея с золотыми зубами
Филе из Золотого Петушка	Приданое лохматой обезьяны
Главбух и полпарства в прилачу	Страстная почта в зоопарке
Концерт для Колобка с оркестром	Замок храпящей красавицы
Фокус—покус от Василисы Ужасной	Дьявол носит лапти
Любимые забавы паны Карло	Путеводитель по Лукоморью
Муха в самолете	Фанатка голого короля
Кекс в большом городе	Ночной кошмар
Билет на ковер—вертолет	Железного Любовника
Монстры из хорошей семьи	Кнопка управления мужем
Канцуклы в Простогофилино	Запечатание рождественской утки
Зимнее лето песты	

Сериал «Джентльмен сыска Иван Подушкин»:

Букет прекрасных дам	Две невесты на одно место
Бриллиант мутной воды	Сафари на чернашку
Инстинкт Бабы—Яги	Яблоко Монте—Кристо
13 несчастий Геракла	Пикник на острове сокровищ
Али—Баба и сорок разбойниц	Маго чужой мечты
Надувная жепина для Казановы	Верхом на «Титанике»
Тушканчик в бигулях	Ангел на метле
Рыбка по имени Зайка	Продюсер козьей морды
	Смех и грех Ивана Царевича

Сериал «Татьяна Сергеева. Детектив на диете»:

Старуха Кристи—отдыхает!	Рианые валетки мам Помпадур
Диета для трех поросят	Дедушка на выданье
Инь, янь и всякая дрянь	Шекспир курит в сторонке
Микроб без комплексов	Версаль под хохлому
Идеальное тело Пятачка	Всем сестрам по мозгам
Дед Снегур и Морозочка	Фуа—грязь из топора
Золотое правило Трехпудовочки	Толстушка под прикрытием
Агент 013	Сбылась мечта бегемота

Сериал «Любимица фортуны Степанида Козлова»:

Развеселая клюква Голливуда	Дворец со съехавшей крышей
Живая воша мертвой царовны	Княжна с тараканами
Женщины воскресают по шпигникам	Укротитель Мегаузы горгоны
Клошотра с парашютом	Хищный аленский цветочек

А также:

Кулинарная книга лентяйки	Кулинарная книга лентяйки—2. Вкусное путешествие
Кулинарная книга лентяйки—3. Праздник по жизни	Простые и вкусные рецепты Дарьи Донцовой
Записки безумной оптимистки. Три года спустя. Автобиография	Я очень хочу жить. Мой личный опыт

Дарья
ДОНЦОВА

домик тетушки лжи

сериал

**«Любительница частного сыска
Даша Васильева»**

Москва
2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 67

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке художника *Е. Рудько*

Донцова Д. А.
Д 67 Домик тетушки лжи : роман / Дарья Донцова. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-699-69970-4

Воистину жизнь полна чудес! Особенно у любительницы частного сыска Даши Васильевой. Погоревав о внезапной смерти Поли, дочери своей подруги, Даша явилась в морг забрать тело. А там ей сообщили, что девушка... ожила. Оказывается, она просто была в коматозном состоянии. И смех и слезы! Теперь в Дашином загородном доме появился не востребовавшийся гроб, в котором... спит питбуль. А потом случилось ужасное — Поля все-таки погибла, не справившись с управлением чужой машиной. И Даша сразу же начинает поиски убийцы, ведь до этого в девушку стреляли, а в ее машине взорвалась сокурсница. Но милиция считает все случившееся простым совпадением...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Донцова Д. А., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015
ISBN 978-5-699-69970-4

ГЛАВА 1

Труп не может уйти из морга на своих ногах. Свое последнее земное пристанище тело покидает в гробу на каталке, которую толкает с равнодушным лицом санитар. Но тому, что еще недавно было человеком, уже все равно, эмоции остались за чертой. Совершенно напрасно большинство людей до дрожи боится покойников. Мертвые никому не способны причинить зла, и, если подумать, опасаться следует живых. Но вот парадокс, мы знаем ведь, что усопший не нанесет нам вреда, и тем не менее не хотим оставаться с ним наедине в комнате.

Но Петя Ромов совершенно спокойно чувствовал себя в помещении около трупа. Собственно говоря, ничего сверхъестественного в данном факте не было. Петька учился на четвертом курсе медицинского института, собирался стать патологоанатомом, получал крохотную стипендию, имел дома мать-инвалида и подрабатывал в морге санитаром. Службой он был доволен. Во-первых, набирался опыта, стоя возле старенького Семена Дементьевича, лучшего в столице «доктора мертвых», во-вторых, получал зарплату, которая хоть и была отвратительно маленькой, но все же в несколько раз превышала стипендию, а в-третьих, родственники усопших постоянно совали ему в карман деньги и просили:

— Причешите, пожалуйста.

Или:

— Ты уж там поусердствуй, чтобы он (труп) прилично выглядел.

Петька старался. Накладывал грим, сооружал прически. Стариков ему не было жаль, что ж, отжили свое, пора и на покой, а вот при виде молодых людей, оказавшихся на оцинкованном столе, неприятно сжималось сердце. Словно ему кто-то напоминал: ты, Петька, тоже, того, можешь тапки отбросить...

Морг больницы имени Савинова, где служил Ромов, был старым, давно не отремонтированным зданием с изношенным оборудованием. Клиника создавалась еще во времена Николая II, и Петька подозревал, что ее за почти сто лет существования ни разу не ремонтировали. В морге не было всяких новомодных штук типа шкафов-рефрижераторов, где каждое тело лежит на отдельной полке или в индивидуальном ящике. Нет, тут просто имелась «холодильная камера», примерно двадцатиметровое помещение, в котором поддерживалась минусовая температура. Трупы незатейливо лежали на каталках или на сооружении, больше всего напоминавшем нары.

1 декабря Петька дежурил ночью. Где-то около двух ему захотелось перекусить. Ромов потянулся, захлопнул учебник по патоанатомии и побрел в другой конец коридора. Там имелось нечто вроде кухоньки. Мойка, крохотный, развалившийся от старости холодильничек «Саратов» и электрический чайник, отнюдь не «Тефаль», а жуткий агрегат, никелированный монстр с носиком, произведенный еще в советские времена. Грелся он долго. Петька, собиравшийся развести кипятком «Обед за пять минут», терпеливо ждал, пока появится пар. Потом он не спеша съел лапшу в томатном соусе, выпил два стакана почти черного чая с сахаром, слопал булочку с маком и почувствовал в себе силы вновь углубиться в учебник.

Стряхнув с клеенки крошки, Петька пошел назад в комнату, где полагалось сидеть дежурному. Путь лежал мимо трупохранилища. Поравнявшись с толстой дверью, Петька увидел, что она приоткрыта. Ничего странного в этом факте он не усмотрел. «Холодильную камеру» не запирали, да и к чему? Упереть оттуда было решительно нечего, просто притворяли створку, и все. Впрочем, и замок в двери давно сломался, главврач, которому Семен Дементьевич принес заявление с просьбой о новом запоре, отмахнулся:

— Купим чуть позже, там вообще пора дверь целиком менять.

Это было правдой, створку перекосило, между ней и косяком образовались щели... Впрочем, ментать в морге следовало все, начиная от столов и заканчивая линолеумом.

Петька помнил, что, когда он шел на кухню, камера была плотно закрыта, но проклятушая дверь то и дело приоткрывалась... Ромов со вздохом доплелся до хранилища и, прежде чем толкнуть надоевшую дверь, глянул внутрь.

Увиденное заставило его удивиться. В камере сегодня находилось три трупа. Два спустили из терапевтического отделения. Это были бабульки, мирно скончавшиеся в результате проведенного лечения. Третий привезли из приемного покоя. Молодая, красивая девушка умерла по непонятной причине и ждала очереди на вскрытие. Девчонка оказалась красавицей, и Петьке было ее дико жаль. Роскошная фигура, чудесные белокурые волосы, изящные руки, тело почти без всяких изъянов, просто победительница конкурса красоты, и скончалась. До больницы довести успели, а поднять в отделение интенсивной терапии уже нет.

Но сейчас на полке остались только бабки, девица исчезла. Петька вошел внутрь камеры и уставился

на клиенток. Бабульки мирно лежали, запрокинув головы, с ног свисали резиновые бирки. Ромов машинально прочитал: «Анна Константиновна Федотова, 1920 года рождения» и «Ольга Семеновна Потворова, 1926 года рождения». Окончательно растерявшись, Петька начал совершать совсем уж глупые действия. Сначала наклонился и посмотрел под полки, потом заглянул за шкаф. Труп девушки не было нигде.

В полном недоумении студент дошел до дежурки и уставился на телефон. Может, позвонить Семену Дементьевичу домой? Первый раз Ромову стало не по себе в морге.

Вдруг от двери послышался легкий шорох. Петька, стоявший ко входу спиной, резко повернулся и почувствовал, как земля начинает качаться под ногами, обутыми в дешевые корейские кроссовки.

На пороге маячила мертвая девица. Ее голубые огромные глаза смотрели прямо на перепуганного санитаря, белокурые волосы, спутанные и грязные, висели неопрятными прядями вокруг бледного лица.

Секунду труп смотрел на Петьку, потом вытянул вперед дрожащие руки и просипел:

— Помоги...

Конца фразы бедный студент не услышал, впервые в жизни лишаясь чувств, он успел вяло подумать: «Мама права, надо было идти учиться на химика».

Резкий звонок разбудил меня в половине седьмого. Будучи праздной, неработающей дамой, я никогда не встаю в такую рань. Мой день начинается в десять. Впрочем, так было не всегда. Долгие годы я, Даша Васильева, нищая преподавательница французского языка, имеющая двух детей при полном отсутствии мужа, вскакивала в то время, когда вылезают из кровати водители общественного транспорта. Ут-

ром, до ухода на работу, предстояло проделать много дел: почистить картошку на ужин, погладить белье, включить стиральную машину. Подавляющее большинство женщин занимается всем этим вечером, прибежав со службы. Но мой оклад по тем далеким временам составлял девяносто рублей «грязными», алиментов я не получала, поэтому, отбарабанив положенные часы, неслась либо к частным ученикам, либо на другие подработки... Дома оказывалась около одиннадцати и падала в кровать, чувствуя, что язык перестал меня слушаться. Руки, ноги еще кое-как повиновались, но вот мускульный орган, которым я безостановочно болтала на протяжении двенадцати часов, гудел так, как ступни у балерины, отплясавшей четыре новогодних представления подряд. И еще сводило щеки. Я считаю, что преподавательница обязана быть в хорошем настроении и улыбаться своим ученикам, поэтому к вечеру щеки немели так же, как и язык, и я ехала в метро домой, продолжая по-идиотски ухмыляться. Сами понимаете, что вечером я была способна только на одно: шлепнуться в кровать, даже не помывшись. Поэтому все домашние дела сдвигались на утро, и будильник звенел над ухом ровно в пять. Если я что и ненавидела, так это настойчивое пиканье, издаваемое часами, — бип-бип-бип... Кто встает каждый день на работу, тот поймет. Поэтому, превратившись неожиданно в богатую даму, я первым делом вышвырнула из своей комнаты все предметы, способные звенеть по утрам. Будильники стоят в спальне у моего сына Аркадия и его жены Ольги, у Машки, моей дочери, его нет, хотя ей следует подниматься по утрам в школу. Но ставить к Манюне на тумбочку оружие часы абсолютно бессмысленная затея, девочка все равно не услышит сигнала. Нашу школьницу будит домработница Ира. Я, наверное, отвратительная мать, но

каждый раз, слыша, как Ирка топает по коридору в Манюнину спальню, а потом мерно вскрикивает с первого этажа через равные промежутки времени: «Маня, вставай! Маруся, опоздаешь! Манюня, сейчас автобус придет!» — поглубже зарываюсь в подушку и мысленно благодарю дедушку Макмайера, заработавшего состояние. Если бы барон Макмайер не разбогател, если бы моя лучшая подруга Наташка не вышла замуж за его правнука, то мне пришлось бы самой спихивать Маруську с койки.

С Наташкой мы жили вместе много лет. Большинство друзей считают нас родственницами, а кое-кто держит за сестер. И хоть это не так, узы, связавшие нас, намного крепче родственных.

Неизвестно, как бы мы перебивались сейчас, но в девяностых годах Наталья ухитрилась выскочить замуж за чудовишно богатого француза Жана Макмайера.

Дальнейшие события очень напоминали перепев известной сказки про Золушку. Жан обладал огромным состоянием и не имел никаких родственников, ни прямых, ни кривых, поэтому после его смерти все богатство досталось Наташке, мне и детям.

Вот откуда у нас два дома, один в пригороде Парижа, другой в подмосковном местечке Ложкино, счет в банке и прочие радости жизни, и нам не надо считать не только рубли, но и тысячи.

Впрочем, мне не хочется, чтобы вы полагали, будто мы — те, кого называют «новыми русскими». Обладание большими деньгами не слишком изменило наши привычки, в доме все по-прежнему трудятся. Аркадий служит адвокатом, Ольга, или, как мы зовем ее, Зайка, работает на телевидении, ведет программу «Мир спорта», Маруська учится, Наташка неожиданно для всех превратилась в писательницу, ваяющую на французском языке отвратительно сладкие, но бешено популярные любовные романы.

Ничем не занимаются в нашей семье только три личности: мои внуки, Анька и Ванька, которым по малолетству не положено еще даже ходить в детский сад, и я. Мне решительно нечего делать. Преподавательская деятельность надоела до зубной боли, а ничего другого я просто не умею делать. Можно было бы заняться домашним хозяйством, но у нас есть домработница Ира и кухарка Катерина, а к внукам меня не подпускает няня Серафима Ивановна.

Поэтому мои дни протекают в ничегонеделанье, и я наконец-то получила возможность спокойно читать детективы и вставать в десять.

Но сегодня пришлось, взяв у Катерины будильник, вскакивать в несусветную рань. Сказать, что мне не хотелось этого делать, это не сказать ничего, и дело даже не в том, что пришлось вставать ни свет ни заря. Мне предстоял жуткий, ужасный день.

Я сползла на первый этаж и, клацая зубами от недосыпа, включила на кухне чайник. Заспанная Ирка появилась на пороге.

— Дарья Ивановна, идите в столовую, сейчас подам завтрак.

— Что ты, — замахала я руками, — о какой еде может идти речь в такую рань, я просто кофе глотну, а вы лучше приготовьте все в гостиной.

— Когда похороны? — спросила Ирка, зябко поживаясь.

Я тоже вздохнула:

— В восемь нас ждут в морге с вещами, в десять выезжаем, кремирование в двенадцать. Думаю, к двум вернемся, так что накрывайте к этому времени.

— Не люблю поминки, — дернулась Ира.

А кто их обожает? Но надо же проводить человека в последний путь как положено, с блинами, кутьей и водкой...

— Ужасно, — не успокаивалась домработница, — такая молодая, здоровая, и бац, нету...

Я расстроено нахмурилась. Да, все верно, к сожалению, нам придется сегодня хоронить Полину Железнову, дочь мой близкой подруги. С Ниной Железновой мы вместе учились в институте, а Поля младше моего Аркашки на пару лет, ей в декабре этого года должно было исполниться только двадцать четыре. И вот, пожалуйста, не дожидаясь двух недель до дня рождения! Я так и не знаю, что с ней произошло. Позавчера около десяти часов вечера Поля позвонила мне на мобильный и прохрипела жутким голосом:

— Даша, умираю...

Я понеслась к ней и застала девушку в бессознательном состоянии на полу, возле двери в кухню, рядом валялась телефонная трубка, из которой неслись короткие гудки, последним набранным номером был «03». Очевидно, Полина сначала позвонила мне, а потом попыталась вызвать врачей... Я моментально повторила вызов.

Приехавшие медики мигом погрузили несчастную в автомобиль и увезли. Когда я примчалась следом, мне сообщили, что Полина умерла от неустановленной причины. Самое ужасное, что мне не удалось донести жуткую новость до ее матери. Три года тому назад Нинушка, блестящая переводчица, свободно говорящая на трех иностранных языках, выскочила замуж за Теда Смита, американца, проживающего в провинциальном городке возле Лос-Анджелеса. Тед вполне обеспеченный человек, владелец местной газеты и радиостанции, Нинку он обожает, и Железнова живет теперь в Штатах.

Полина не поехала с матерью, ей предстояло получить в этом году диплом. Полечка просто проводила в США все лето.

Услышав о жутком происшествии, я мигом кинулась звонить Нинушке, но телефон в ее доме вещал радостным тоном на русском и английском языках: «Привет, мы уехали отдыхать, чего и вам желаем. Если

хотите, оставьте свое сообщение, если нет, тогда перезвоните после пятнадцатого декабря. Чао!»

И вот теперь мне предстояло хоронить Полину. Продолжая трястись от холода, я влезла в машину, включила печку на полную мощность и поехала в Москву. Наше Ложкино расположено всего в нескольких километрах от Кольцевой магистрали, но воздух тут не в пример лучше столичного.

Припарковавшись возле малопрезентабельного здания, ободранного и покосившегося, я вошла внутрь и нажала на звонок, красовавшийся возле двери с табличкой «Категорически запрещен вход родственникам. Только для персонала».

Высунулся мордастый парень в не слишком чистом белом халате.

— Ну? — спросил он.

— Здесь вещи, — сказала я, протягивая чемоданчик.

— Чьи?

— Железновой Полины, — ответила я, ожидая услышать что-нибудь типа: «Давайте» или «Хорошо».

Но парень повел себя загадочно. Он мигом выскочил из-за двери и ласково сказал:

— А вам не сюда.

— Почему? — удивилась я. — В прошлый раз мужчина, такой полный, велел прибыть сюда первого декабря с вещами.

— Нет-нет, — быстро сказал санитар, — идите в клинику, третий этаж, спросите Королева Андрея Владимировича.

— Зачем? — недоумевала я.

Парень суетливо ответил:

— Мы люди маленькие, нам велят, мы делаем. Приказано родственников Железновой отправить к главврачу.

В полном изумлении я спросила:

— И вещи ему нести?

— Конечно!

— А гроб?

— Вы и гробик привезли?

— Естественно, — обозлилась я, — да что тут за порядки такие? Вы покойников родственникам в мешках отдаете? Ясное дело, должны одеть и уложить в домовину. Между прочим, я заплатила вашим коллегам по полной программе, и если они с вами не поделились, то это не мое дело. Впрочем...

Я вытащила из кошелька зеленую купюру.

— Возьмите и сделайте все нормально.

Но санитар удивил меня окончательно, он энергично замахал руками:

— Не надо, идите к Королеву, а гроб пусть пока в машине постоит, вы ведь его на катафалке привезли?

— Нет, — вышла я из себя, — под мышкой притащила. Поглупее что-нибудь спроси, а?

— Вы только не волнуйтесь, — заботливо прокудахтал парень.

Совсем дезориентированная, я вошла в основное здание, поднялась на третий этаж, распахнула дверь с табличкой «Главврач» и наткнулась на секретаршу самого противного, неприступного вида.

— Вам кого? — отчеканила дама, буравя меня ржаво-коричневыми, как крышка канализационного люка, глазами.

— Андрея Владимировича.

— Он знает, по какому вопросу?

— Меня послали из морга, я родственница Полины Железновой, сегодня...

— Ой, — сказал «цепной пес», изобразив на лице неумелую улыбку, — конечно, ждем вас, входите, входите, только не волнуйтесь. У вас сердце здоровое? Сейчас валокординчика накапаю.

Чувствуя, как едет крыша, я вошла в кабинет.

— Меня попросили в морге...

— Вы мать Железновой? — выскочил из-за стола полноватый мужик.

— Нет, — ответила я и, решив не пускаться в долгие объяснения, продолжала: — Я тетя.

— Садитесь, садитесь, — суетился главврач, — может, коньячку?

— Спасибо, слишком рано.

— Тогда валокординчику, — и он сунул мне под нос стаканчик с остропахнувшей жидкостью.

— Что случилось? — спросила я, машинально глотая лекарство.

— Да тут, так, однако, ерунда, одним словом, — замямлил Андрей Владимирович, — сколько работаю, не происходило такого... Просто черт знает что вышло, но мы не виноваты, хотя, если вы подадите в суд, пойму вас по-человечески, это же просто дрянь какая-то вышла!

Страшное подозрение закралось в мозг.

— Где тело Полины?

— Э, э, — занудил Королев, — э, в этом все дело, тела как такового нет!

— Как нет? — прошептала я. — Куда же оно делось?

— Ушло, — брякнул Андрей Владимирович.

По его виду было понятно, что разговор дается мужику нелегко. Лицо главврача покраснело, шея тоже, а лоб вспотел. Андрей Владимирович вытащил из кармана пиджака безукоризненно отглаженный платок и начал промокать испарину.

— Вы хотите сказать, что тело Поли разобрали на органы? — пробормотала я, чувствуя легкое головокружение.

— Я хочу сказать, что Полина жива, — резко выпалил Королев, — совершенно жива и, на наш взгляд, здорова, находится сейчас в 305-й палате.

Секунду я смотрела на потного врача, потом хотела встать, но ноги подкосились, и я рухнула на пол.